

мы субъективной оценки *притомить, приутомить* (СМ: «кто-то / что-то приводит кого-либо в состояние усталости или бодрости»).

В конце словарной статьи приводятся непредикатные корреляты (соответствия) других частей речи (с указанием их конкретных значений): адъективы *утомительный* (у. труд), *мучительный* (м. размышления), *бодрый* (б. поведение), наречия *утомительно* (у. слушать), *бодро* (б. вести себя) и субстантивы: имена состояний (*усталость, утомленность, разг. разбитость, бодрость* и др.), имена свойств (*утомительность, изнурительность* и др.), имена каузативных действий (*изматывание, взбадривание*), имена каузаторов (*мучитель, истязатель*).

В данной статье речь шла о собственно системных словарях: об идеографических (концептуальных), семантических и тематических. Однако системными в той или иной степени могут быть (и являются таковыми) также толковые словари (в них описывается система значений многозначных слов и сфера их употребления), исторические, специальные, учебные и др. Само толкование значений слов соотносит их с тем или иным семантическим полем, с той или иной тематической группой слов. Но это особый вопрос, требующий иного осмысления.

Г.Н. Манаенко (Российская Федерация, г. Ставрополь)

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ И ИНФОРМАЦИЯ, или КАК ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ОПОСРЕДУЕТ ОБЛАСТЬ СОЗНАНИЯ

Методологическая трактовка информации вскрывает сущность информационных процессов как единства социального и индивидуального в субъективной реальности. Понимая психическое как деятельность, в том числе как непрерывные процессы построения образа мира, мы можем анализировать содержание понятия *информация* в динамике соотношений понятий *психика, сознание, идеальное, культура*. По отношению к сознанию (субъективной реальности) идеальное выступает как его компонент, опосредованный бытием человека в пространстве определенной культуры и некоторого социума. Концептуальная схема у индивида формируется на основе познавательных и коммуникативных процессов отражательного и репрезентативного характера. Создание и формирование концептов (структур знаний и представлений о мире, переживаний, с ними связанных) из концептуальной схемы индивида на основе процедур представления обуславливает ментальное пространство *со-знания*, апелляция к ко-

тому обеспечивает координацию концептуальных схем в процессе коммуникации, а также при порождении социально значимого знания, в том числе и научного. Область взаимодействий человека с нишей (миром преобразовательных действий и преобразованных вещей) выступает областью идеальных форм событий, явлений и вещей реального мира, включая область взаимодействий человека с собственными описаниями мира.

Информационные процессы связаны не с содержанием процессов познания и коммуникации, но с организацией движения их результатов в сознании индивида при его взаимодействии с природой, другими людьми, обществом. Т.к. все эмпирические объекты (в том числе и перцептивные) обладают для индивида значениями, детерминированными ролью эмпирических объектов в конкретный момент его жизнедеятельности, но в то же время социальными по своей сути, значения актуализируют концептуальные структуры индивидуального образа мира в той степени, в какой они востребованы в данный конкретный момент, т.е. значения входят в концептуальные структуры, являясь как средством их организации, так и собственно информационным доступом к ним.

Особую область эмпирических и перцептивных объектов составляют знаковые системы. Знаки представляют второй план функционирования идеальных форм, что обусловлено их двойной сигнификацией: предметные значения как идеальные формы событий, явлений, вещей становятся основой импликации как идеального действия, представляющей вторую сигнификацию. Последняя не является одиночным идеальным действием, т.к. возможна не просто на основе предметных значений, но обязательно на основе их оппозиций.

Естественный язык выступает первичной моделирующей системой, поскольку состоит из эмпирических объектов, изначально предназначенных для выполнения знаковой функции, для указания на иные эмпирические и абстрактные объекты. Языковые выражения как эмпирические объекты обладают своим собственным предметным значением, однако вектор второй сигнификации направлен на них, поскольку элементы и единицы языковой системы как таковые знаками не являются, но способны при своем комбинировании порождать их в бесконечном количестве. Значимая единица языковой системы обладает знаковым значением, поскольку является апелляцией к определенной области смыслов из концептуальной схемы, однако направление апелляции может измениться, что зависит как от употребления данной единицы в высказывании, которое и предстает в качестве полноценного языкового знака, так и от системы знаковых значений единиц языка. Сущность языкового знака заключается в апелляции к мысли как движению и

столкновению смыслов через апелляцию к этим смыслам (указание только на смыслы не может обеспечить коммуникации). Синтаксическая конструкция как единица языка представляет отображение операций формирования, направления и движения мысли, выступая ориентировочной базой для взаимодействия коммуникантов.

В настоящее время неизбежно встает проблема соотношения единиц языка и единиц информации: «...можно ли в языке найти соответствие единицам информации? Естественно, речь идет не об аксиологических, оценочных аспектах информации, не о таких ее свойствах как достоверность, новизна, но о грамматических основах ее выражения» [Золотова и др. 1998: 217]. При этом неизбежно возникает и новый вопрос: где же находится нижний предел представления единицы информации в речи? Какая языковая единица и какого уровня выступает носителем единицы информации: предложение? осложняющий конструктор? второстепенный член предложения? категориально-грамматическая структура признакововых компонентов? словосочетание? сложное слово? грамматический показатель слова? Чтобы ответить на эти вопросы, на наш взгляд, необходимо обоснование и раскрытие таких исходных теоретических понятий, как *коммуникация*, *информация*, *сообщение*, *предикация*, *пропозиция* и некоторых других.

Согласно словарю О.С. Ахмановой, *коммуникация* – это сообщение или передача при помощи языка некоторого мыслительного содержания [Ахманова 1966: 200 – 201]. Соответственно, *сообщение* – коммуникативная сторона высказывания, содержащаяся в нем информация [Ахманова 1966: 441], а *информация* – это сведения, содержащиеся в данном речевом сообщении и рассматриваемые как объект передачи, хранения и переработки [Ахманова 1966: 184]. Аналогичное представление информации мы находим в «Кратком словаре когнитивных терминов», где наряду с пониманием информации как содержания сообщения, отмечается, что это *знание*, репрезентируемое и передаваемое языковыми формами в коммуникации [Кубрякова и др. 1996: 36]. Подобное встречаем и в «Логическом словаре ДЕФОРТ»: «Информация ... – знание, представленное в форме объективного сообщения, формализованное знание» [Логический словарь 1994: 60].

Таким образом, информация – это передаваемое языковыми формами в коммуникации знание, которое представляет собой семантическое, т.е. опосредованное социальной практикой и конвенциональное по своей сути, содержание пропозиционально структурированных ментальных репрезентаций когнитивного пространства индивидуума, иначе говоря, выступая в виде знания,

информация обязательно передает в конвенциональном коде индивидуальный опыт человека, содержание результатов всей его деятельности и процессов познания им мира. В то же время каждый индивид имеет специфическую систему связей и ориентиров (личностных смыслов) организации своего когнитивного пространства, которые могут и не иметь конвенционального характера. Таким образом, понятие смысла не обладает презумпцией знаковой системы, но детерминирует наличие как субъекта, так и момента коммуникации. Любая речевая коммуникация, по Г.-Г. Гадамеру, представляет собою акт означивания текста в процессе его интерпретации, т.е. любой индивидуум, создавая свою картину мира, основывается на *пред-понимании*, включающем в себя допущения, неявно выраженные в используемом языке.

В теории коммуникативной компетенции (TDM) О.Т. Йокояма коммуникация рассматривается как процесс передачи знания от одного собеседника другому в соответствии с правилами кооперации, минимальная же единица общения включает 4 набора знаний: знания индивидуума о мире и о самом себе и знания, важные в данный момент, как для первого участника коммуникации, так и для второго [Голубева-Монаткина 1991: 95 – 96]. При этом, по О.Т. Йокояма, в речевом общении передается 3 типа информации: информационное знание, метаинформационное знание (о коде и ситуации общения) и информация об отношении говорящего к высказыванию (что как бы остается вне *знания* – Г.М.). Как утверждают Т. Виноград и Ф. Флорес, фоновые знания (в т.ч. и «важные в данный момент») – это не множество суждений, а общая ориентированность человека миром, который всегда «организован вокруг фундаментальных замыслов человека». Отсюда следует:

1) процесс межличностной коммуникации характеризуется интенциональностью, что согласуется и с положением О.Т. Йокояма об основании говорящим своих высказываний на субъективной картине между четырьмя наборами знаний;

2) знание никогда не передается объективно, «навязывание» важного для говорящего набора знаний обусловлено тем, что говорящий не описывает ситуацию, а сам создает ее;

3) употребление языковых форм определяется необходимостью координации деятельности индивидуума с деятельностью других людей, т.к. речевой акт всегда осуществляется в контексте и на основе общего фонда знаний;

4) передаваемое знание выражается посредством конвенциональных значений, основанных на закрепленных в речевых актах «принятых обязательствах» и на обращенных к коммуникации способах их оформления.

В соответствии же с современными научными воззрениями одной из форм хранения знаний в человеческой психике выступает *пропозиция* [Кубрякова и др. 1996: 137]. Заметим, что скорее всего пропозиция – это минимальная единица ментальных репрезентаций (знаний), т.е. минимальная единица информации, поскольку содержание других ментальных репрезентаций – фреймов, скриптов, сценариев – вполне разложимо на отдельные пропозиции [Кубрякова и др. 1996: 135], а образная форма репрезентации знаний может интерпретироваться в пропозициональных терминах [Кубрякова и др. 1996: 136]. Пропозиция как структура сознания, в свою очередь, выступает отражением неких онтологически существующих отношений между предметами или предметом и его свойством [Кубрякова и др. 1996: 138]. *Отношение* же – это абстрактная взаимосвязь между объектами, т.е. связь между какими-либо сущностями, выявленная мыслящим субъектом. Акт познания как раз и заключается в приписывании субъектом абстрактной взаимосвязи каким-либо сущностям, т.е. в *предикации*.

Традиционно предикация понимается как «отнесение данного содержания, данного предмета мысли к действительности, осуществляемое в предложении (в отличие от словосочетания)» [Ахманова 1966: 346]. Однако, как справедливо замечает в этой связи Ю.А. Левицкий, «отнесение содержания предложения (пропозиции) к действительности (факту) представляет собой не предикацию, а референцию [Russell]. В данном случае мы имеем дело с обычным смешением понятий, неразличением двух процессов (действий) – референции и предикации» [Левицкий 2001: 49].

Поскольку пропозиция отображает субъективное видение «положения дел», именно говорящий как мыслящий субъект устанавливает связь, соединяет те или иные сущности. Таким образом, мы можем говорить о специфике акта предикации, заключающегося в том, что помимо собственно *логического предиката* (обозначающего конкретное свойство, отношение), в нем действует логический оператор – *отношение предикации*, которое понимается в логике как «отношение между объектом и понятием, присущим этому объекту в качестве свойства» [Логический словарь 1994: 171], т.е. заключается в *приписывании*, представляя единицу знания (= единицу информации). И если традиционно *предикативность* понимается как актуализированная отнесенность содержания предложения (высказывания) к действительности [Ахманова 1966: 346], то более точным и соответствующим современным научным взглядам, с нашей точки зрения, выступает понимание предикативности, предложенное Ю.А. Левицким: это есть «форма приписывания признака предмету в соотнесенности с мо-

ментом коммуникации» [Левицкий 2001: 49]. Здесь как раз вполне отчетливо противопоставляются понятия предикативности и предикации. Кстати, аналогичная точка зрения на предикативность фактически принята и в «Коммуникативной грамматике русского языка»: «Предикативной считаем синтаксическую конструкцию, соотносящую имя признака (в широком смысле) с именем его носителя в категориях времени, модальности и лица» [Золотова и др. 1998: 217]. Подведем некоторые итоги анализа теоретического осмысления рассмотренных понятий.

1. Единица информации является минимальной единицей знания и соответствует пропозиции как форме хранения ментальных репрезентаций.

2. Пропозиция как структура сознания представляет логический предикат и соположенные ему актанты.

3. Пропозиция как минимальная форма хранения знаний при коммуникации подвергается акту предикации (приписывания).

4. Акт предикации заключается в приписывании связи двум сущностям, т.е. включает как логический предикат, так и отношение предикации.

5. Коммуникация как процесс представляет обмен знаниями, выраженными в языковых формах.

6. Языковая форма, соотносительная с единицей знания (информации), выражает пропозицию и отношение предикации (приписывание).

7. Подобной языковой формой может быть предикативная единица, т.е. обладающая предикативностью как формой приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации.

Отмеченные особенности не противоречат утверждению, что предикативная единица – это прежде всего простое предложение [Золотова и др. 1998: 217]. Отсюда следует, что простое предложение – это языковая форма, выражающая пропозицию и отношение предикации в коммуникации *приоритетно*, поскольку именно данное знание (приписывание связи каким-либо двум сущностям) является коммуникативно значимым для говорящего, или, в другой концепции, именно это знание говорящий «навязывает» слушающему.

Поскольку некоторое исходное пространство мысли образуется наличием абстрактной взаимосвязи между объектами, т.е. отношением, устанавливаемым человеком, как сообщающую единицу можно определить ту, в которой отображаются информационные и коммуникативные действия говорящего. Сообщающая единица (соотносительная с единицей информации) – это языковое выражение, в котором отображается любое логическое отношение: предикации, импликации, конъюнкции, дизъюнкции, логического следования и т.д. Именно

в этом смысле сообщающие единицы можно определить как приписывающие (преддицирующие). Вербализация пропозиции и ее грамматикализация определяют статус данной информации как в структуре текста, так и в содержании. Указание на пропозицию, ее следы могут быть представлены в качестве компонентов той пропозиции, которая непосредственно вовлекается в пространство мысли и соотносится с коммуникативными действиями говорящего.

Сообщение – это всегда порождение мысли, а не просто актуализация смыслов. Следовательно, сообщающая единица (единица информации) – это всегда отображение мысли как деятельности человека. Информационная ёмкость, насыщенность текста определяются не простым количеством наличествующих в нем указаний и других обозначений пропозиций, а количеством отображенных пропозиций, вовлеченных в деятельность, ставших объектом непосредственной мысли. В таком случае простое предложение (предикативная единица) является действительно основным способом отображения единицы информации. Информационно усложненной выступает такая языковая единица, в которой отображается не только преддицирование пропозиции, но и наличие отношений между пропозициями, вовлеченными в речемыслительную деятельность. Следовательно, информационный объем (количество пропозиций) в тексте задают основные коммуникативные синтаксические единицы – простое, осложненное и сложное предложения, выступая языковой основой высказываний: простое предложение – 1 единица информации; осложненное – 2 и более единицы информации, коммуникативно неравноправные (основная и комментирующая); сложное предложение – 3 и более единиц информации.

Таким образом, вопрос о соответствии единиц языка единицам информации решается в аспекте грамматических средств выражения «информационного» содержания, понимаемого как представление, во-первых, движения знания и, во-вторых, самого этого знания в его коммуникативной форме. Поскольку в процессе межличностной коммуникации, характеризующемся интенциональностью, происходит «навязывание» знания (субъективного образа фрагмента картины мира), отображение знания в языковых формах опирается на их предметные значения, которые обусловлены их конвенциональной закрепленностью за ментальными репрезентациями и «принятыми» обязательствами стандартизированных дискурсивных форм общения (внешних проявлений речемыслительных операций).

Минимальной и обращенной к коммуникации, т.е. семантической, ментальной репрезентацией является пропозиция, получающая статус коммуникативной единицы вследствие вовлеченности ее в пространство мысли (речемыс-

лительную деятельность). Таким образом, языковое выражение, соотносительное с единицей знания (информации), отображает пропозицию и речемысле-тельные действия над нею, в первую очередь ее дискретизацию, т.е. операцию приписывания (акт предикации).

Т.к. в системе языка существует иерархия средств представления пропозиции, ставшей содержанием отдельной мысли, пропозициональная форма ментальной репрезентации предстает в коммуникации единицей информации тогда, когда данное содержание (знание) «навязывается» и не входит в фонд разделенных знаний, когда отображается не только пропозиция, но и установление отношения предикации и другие ментальные акты. Подсистемы простого, осложнённого и сложного предложений существуют в качестве альтернативных способов выражения и обозначения одного и того же содержания о «возможном мире», но с разным коммуникативным рангом и фокусом.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Голубева-Монаткина Н.И. Рец. на кн.: *Yokoyama O.T. Discourse and word order* // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 148 – 152.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
5. Кубрякова 1995 – Е.С. Кубрякова. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 144 – 238.
6. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. Пермь, 2001.
7. Логический словарь: ДЕФОРТ / под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. М.: Мысль, 1994.